Нижнесвирский заповедник – 2018

М. Зубкова

“Тварь я дрожащая или переправу имею?”

Если идти по сосновому лесу, подмигивая каждой черничной бусине, и тут подует ветер, то будет казаться, будто где-то рядом море прохладно дышит, вытекая на песчаный берег, но моря нет, и только влажное болото поворачивает к тебе свой мшистый, чавкающий зеленый бок. И тогда ты идешь от бледного огонька к огоньку по застывшим в воздухе светлячкам пушицы и лениво наклоняешься за припрятанной будто для особого случая крупной красной клюквиной и чувствуешь, как растекается во рту теплый горьковатый вкус. И тотчас его перебивает пряный запах багульника:

где растет Ledum,
иди за мной следом.

Куда поставить ногу? Сюда, в осоковую куртину? Или в топорщащуюся лужицу мха? Осторожно наступаешь по очереди и там, и сям, пока не находишь достаточно устойчивое положение ноги. И тогда Люша останавливается и предлагает тебе пакетик сахара из кафе “Удача”! И, правда, удача. Разделавшись с пакетиком, ты набираешь в рот клюквы и засыпаешь туда сахар, благородно пытающийся заглушить уже отчетливое жжение на языке.

Я откручиваю крышку пластиковой баночки из-под хлоргексидина. Там на дне валяются несколько несоразмерных клюквин и веточка шикши. Для полного ассорти не хватает только морошки – но она пока не созрела еще, да и вообще ее мало, хотя она приятно хрустит. Особенно приятно, когда последняя половина конфеты, припасенной с обеда, съедена час назад, а ты все идешь и идешь, на запад, а потом на юг, и наши постепенно удлиняющиеся тени ровным караваном бредут по зеленому ковру болота. И рой слепней похож на песчаную бурю, где надо лицо завязывать тканью, но у меня есть планшет из обложки альбома для акварели, и я слышу стук их тел об него, когда отмахиваюсь.

Еще особенно приятно скинуть влажноватые вещи и плюхнуться в озеро посреди болота, манящее своим свежим блеском среди мха, сосен и клюквы. Подрыгать ногами в неравномерно прогретой воде и нащупать кончиками пальцев тот небольшой самый приятный слой у глади воды.

И тогда путь туда растворится, и водомерки чуть колыхнутся оттого, что в их воду пришло нечто далекое, новое и чужое, привезенное из мигом забытой Москвы и все же немного оставшееся в волосах и на коже. И тогда мы вылезем, и оденемся, и побредем кипятить воду для пюре нежного со вкусом сыра, в котором следует утопить немного сухарей для полной готовности к квадратному перевоплощению.

Вечер. Сбросишь завязшие на ногах болотники и втиснешь ноги в кроссовки – свобода. Подложи еще дров, и тогда мигом сварится рис. Вот только тушенку никто не откроет, как и тайну вкусноты этого риса, гурмански засыпанного красным луком и сухарями. Пока мы пожираем, нас пожирают, залезая в уши, в нос и под очки. Спасает «костюм водолаза», где торчит лишь нос, но и он нередко уходит под ворот куртки, и требуется его заново оттуда выуживать и сажать на свое место: дыши. Так-то. Нос возмущен: он вегетарианец. Ему подсовывают мокреца. “Ну и ну” – думает нос. Ну и дела. “Однажды на диком западе” прямо таки.

К носу присоединяется рука: ее тоже не устраивает обстановка. Меня с книжкой в общем-то все устраивает, не знаю, что они там, вот только пепел засыпается между страниц, и нужно его оттуда вытряхивать, а это, уж поверьте мне, непростая работа.

Вот он уже на грязном комбинезоне Тамар, и золотистой в шерсти Динки затерялся, и где-то в кроне кипариса застрял тоже. Ну ничего, я надеюсь, Саша и не заметит.

Какая это страница? Ухожу спать. Перед сном не забыть положить под язык парочку обманчиво сладких аскорбинок – вечерняя доза. И уткнуться в спальник, и услышать крик каких-то птиц, засыпая, шепот Ульяны и Чумички, шелест собственных невесомо прозрачных мыслей, далекий гул комара. Уснуть.

***

Я люблю ходить по болотам.
Очень затягивает.

Пока Петрович болтал без умолку про практику и геоботаниконенавистничество, деля всех людей на тех, которые растягивают тент только за углы, и на особо выдающихся личностей, а ивы – на хорошие и плохие, Чумичка взобралась на дерево – сосну, то бишь – над притоком Пельчужни, непонятным образом соскользнула с него и свалилась сначала на дерево, затем рюкзаком в приток, повиснув, как мишка, обхватывая руками и ногами. Петрович поспешил ей на помощь, в итоге и сам начерпал болотниками.

А я все шла и думала: “А ведь, если Ericaceae – это вересковые, то, должно быть, имя Эрик переводится как Вереск. Назову сына Эриком, ну, то есть Вереском”.

А Петрович, завидев веретеницу, схватил ее за хвост, который она, как водится, отбросила. Я спросила: “Это безногая ящерица, да?” – ”Теперь еще и бесхвостая” – ответил Петрович. Извивающийся обрывок хвоста он еще долго держал в руках и отвратительно издевался над ним.

Зато в обед мы сбросили одежду и нырнули на этот раз не в болото, а в холодноватую Пельчужню, поспешив вылезти вскоре оттуда.

Конфету с обеда я обычно заныкиваю в карман на грустный голодный час в остатке дня, когда ты устал и почти что бежишь по дороге домой, мысленно заглушая выкрики растений, больше ненужных.

Пока мы бродили в болотах, я увидела, а Люша поймала бабочку, на вид очень мягкую, нежно-зеленого цвета, как если бы смешали фисташковое мороженое с мятным. Я решила, что она похожа на махровое полотенчико.

А потом меня доставали комары, но пшикаться мне было репеллень.

И напевала я что попало: от Эдит Лиаф до какой-то попсы – и свистела. Я не научусь играть тут на гитаре, но, думаю, я преотлично научусь свистеть.

Вернувшись, я побежала купаться на Ладогу. Вода была потрясающе теплая, можно было плавать, сколько влезет.

***

Сегодня никакой эпохальной бездарности не было, потому что все сразу раскатали болотники. Не было еще и плаща у меня, за что я расплатилась после обеда, пытаясь закутаться в ветровочку.

Сегодня мы собирали лисички на дороге на обратном пути и видели над Ладогой орлана. Видели еще и кулика, и цаплю, и как цветет росянка и *Utricularia minor*.

На берегу Петрович нашел табличку “LIFE BUOE” с рисунком спасательного круга, и с тех пор все противные места мы именно так и называли.

Мы свистели в хвощ, и тут я преуспела, хотя с ирисом у меня ничего не получилось. Я придумала кусок стиха:

Лишь тот в квадротусовку вхож,
Кто не брезгует клюквой и дует в хвощ,
Кто по скрипу сосну отличает от ели,
Кому сфагнум и мирт еще не надоели.

Ветер вспотевшее тело окутал,
Ноги царапает *Carex acuta*.
Лучше иди за Петровичем следом,
Там, где растекся запахом *Ledum*.

***

Кто сегодня стоит на вахте?

Важная шикша

Сахар стоит оставить на черный день.
Ведь если есть белые ночи,
то должны быть и черные дни.

Позорное разоблачение, точнее, наоборот, облачение в плащ.

ПЕРЕВОПЛАЩЕНИЕ

День зачета. Холодно. Проснуться исключительно ради завтрака. Пойти в баню первыми и тщательно смывать с себя запах костра и багульника, комариные укусы и болотную грязь, окутываясь мягким запахом цитрусового мыла и шампуня. Ковшиком я зачерпнула личинку плавунца. Вылила ее обратно.

Пока Лея везла Асафа к пещере, мы с Чумичкой прилежно резали морковку с быстро пополняющейся группой поддержки в виде сдавших зачет, каждый из них нашел себе некое особое занятие, кусок дежурства, например, Игорь Брит специализировался на мешании супа, Саша Рыбаков подкладывал дрова, Леша Горбачевский просыпал макароны в костер – все были заняты.

В ожидании припозднявшихся водно-стадионных челов, я забралась на чердак. Асаф, тем временем, уже встретил Тамар и теперь помогал ей с Шаем, пока за моей спиной сосны скрипели и качались от сильного ветра. Чем дальше, тем холоднее.

На полдник был кефир. Ну хорошо, что не снежок. И персики. Но все очень обрадовались кефиру и не допили его.

Я уронила консервный нож, и он утоп. Петрович решительно вызвался его доставать и застыл на краю мостков в очень странной позе, так что каждое его движение заставляло нас с Чумичкой разражаться приступами хохота. “Есть один способ достать его” – заметил Петрович и с церемониально-нерешительным видом стянул с себя футболку. Не стоит забывать, что поверх футболки на нем была рубашка, поверх рубашки что-то еще, а поверх чего-то еще тапирья штормовка. В этот момент на горизонте появилась Полина, пораженная столь быстрым развитием событий. Решив не ударить в грязь лицом, Петрович ударил лицом в воду. Пыхтя и булькая, и издавая прочие звуки, он тщетно пытался отыскать нож, но потом, видно, замерз. Отсмеявшись, мы отправились по своим делам, а я – по следам Асафа.

Полумрак чердака отлично располагал к безболезненному побегу в Иерусалим, и лишь Саша, вернувшись из бани, нарушил мое непоколебимое внимание, вцепившееся в кучку последних страниц и, как обычно, надеявшееся узнать из них больше, чем в них было. Глядя на Асафа и Тамар, я отчаянно улыбалась под явное недоумение Саши. И, добравшись до дома Тамар, бессильно искала, куда идти дальше. Отложив, наконец, книжку, я долго сидела молча и улыбалась, давая понемногу книжному миру просочиться обратно из моей головы и осесть на страницах. Я чувствовала это утекание и пыталась удержать и перебрать в голове все мельчайшие подробности, ставшие значимыми только в конце.

- Я только одного не понимаю.
Саша выжидающе и слегка нахально смотрел на меня, будто он только что уступил мне свое мороженое.
- Почему Мешлиах сказал Асафу, что Тамар слепая?

Я все еще путалась с ударением в имени Тамар. Саша отмахнулся тем, что он плохо помнит этот момент. Вдруг все свободное время когда-либо впереди мне показалось чудовищно пустым. Саша мне надоел, и я ушла.

Вспорхнув ласточками с чердака, так нам приглянувшегося, мы, наконец, улеглись спать. Под утро я проснулась и куталась в спальник и разрываемый ветром сон. Сосны шептались, палатка надувалась, играя с ветром в домик Элли. Я поворачивалась на другой бок и затягивала капюшон спальника, пока Сергей Менделевич не подкрался часом, снова забыв, что я тоже ночую в этой палатке. Если подумать, то я могу спать, где хочу, и никто не заметит.

***

Мы снова проживаем у залива
И проплывают облака над нами
И оседает пыль
И стекла в переулках дребезжат
Когда-нибудь и нас засыплет пепел

Мой нос соревновался с болотом в хлюпанье. Дождь моросил, а мы все шли. Потом распогодилось, мне даже не было холодно в моей эльфийской кофточке, в которой я чувствовала себя как-то особенно. И все же болота не кончались.

Когда я совсем уставала, я еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Когда я вот-вот упаду от усталости, а мне надо идти, мне всегда хочется нервно смеяться.

Наконец мы вышли на дорогу, и Полина заявила, что по ней до дома нам идти около часа. Обнадеженные такими гарантиями, мы бешено накинулись на чернику, раскинувшуюся под ногами-сапогами. Накинулись на нее совершенно безжалостно, деря кустики в букет, обеспечивающий относительную продолжительность вкуса.

Чавк-чавк-шурк-шурк-ай-веточка-пустьпокаполежитвболотнике-чавк-кочка-ой-ой-
“Будьтеблагоразумны”-чавк. Чавк. Большой и внушительный. Сапог человека спереди. Зеленый сапог. Осторожничает, ищет тщательно, куда ставить ногу, виляет. Кто это? О чем думает обладатель этих зеленых болотников? Другие нахально решительны, явно видно, в пользу чего они выбрали между мозгами и раскатанными болотниками, как однажды выразился Петрович.

Я иду и слежу за ними. Для меня, уткнувшейся взглядом вниз, они существуют отдельно от человека сверху, и только некоторое время спустя я, опомнившись, поднимаю глаза, поинтересоваться, чья же банданка ведет свои ноги так развязно, точнее, раскатано.

После всеобщего черничного безумия я кладу табу на чернику. Особо жирные, как вот эти самые точки, черничины проплывают у меня под ногами, но принципиальность не позволяет мне за ними наклоняться. Идти, так идти. В какой-то момент Ульяна вмиг рушит весь мой самоконтроль своим подлым примером. Оправдываясь для себя же, я тянусь за ягодой. Иногда она выскальзывает из убегающих пальцев.

Солнце садится, становится прохладно, но этого почти не заметно: мы идем. Левая рука у меня пахнет черникой и болотом, правая почему-то смолой. В Лахте нас поджидает записка от Ковалева, начинающаяся со слов “Дорогие ботаники!” и заканчивающаяся подписью “Дядя Витя”, очень слабый, коварный газ и небо, еще не знающее, что через час ему придется стать малиново-розовым, тревожно-нежным, не очень-то сочетающимся с безумствующим среди ветвей ветром. И интересно, этот ли ветер сегодня хлопал зелеными ставнями наших плащей, и он ли задиристо трепал серебристую гриву осок?

В темноте лишь потрескивает печка, и девять оголодавших теней, сидящих за столом и уплетающих макароны, видимо, чтобы снова обрести телесность, почти не видят друг друга.

Уставший Егор Ильиных поджал свои длинные ноги и устроился в углу дивана. Оттуда после ужина вдруг вырвался вопрос: “А куда выкидывать остатки еды?”. Несколько голосов ошеломленно уставились в этот угол, обернувшись с возгласом “Чтоооооооооо?” Недоуменно хихикая, будто услышав непристойность, мы с Петровичем разделили приличную порцию недоеденных макарон.

Я сушу носки, перекатывая тепло от пятки у пальцам. Незаметной волной накатывает сонливость, проникающая внутрь вместе с горячим чаем и смыкающая веки. Все перебираются на диван. Выскочив на улицу, хлещущую бурей по растеплившимся щекам, запрыгиваю в дом. Скрипучая кровать согласна подержать меня немного, я застываю в ней, и мы засыпаем.

Мне снится, что я встретила огромного лося, и я кричу и хлопаю, а он и не думает уходить, он приближается, придвигает ко мне свою морду и то ли лижет, то ли пытается съесть. Мне страшно. Я забегаю с первый попавшийся дом, в первую комнату. Вот он, лежит на полке свисток. Свисток вдруг становится металлическим и разжевывается-рассыпается у меня во рту. Я пытаюсь оседлать лося, чтобы убежать от кого-то другого, еще более огромного. Что из этого вышло – не помню. Помню, что в конце мы нашли дикобраза или то, что мы называем дикобразом, то есть зверька размером с зайца, как будто с открытки, со злобными глазами и широким ртом, полным острых больших зубов кубической формы.

Я просыпаюсь, поджимаю ноги со спальником к животу и снова пропадаю в довольно холодном и некрепком сне. Почему-то я ожидала возгласа Шепеля “Подъем. Доброе утро”.

Гречка, хлеб, сыр. Есть всё потрясающе. Холод заползает под ногти знакомиться с болотной грязью. Отсутствие дров в печке остро ощущается.

Я запихиваю канчик в синий пакет и в мой микроскопично-лаконичный синий рюкзак, будто специально созданный, чтобы в него чудом вмещался этот канчик, а в нем – аптечка и KLM (КружкаLожкаМиска), а за его пределами – плащ, репеллент, куртка, аскорбинка, пластиковая

баночка из-под хлоргексидина, куда я собираю клюкву, нитко-веревка и компас, который я могу оттуда извлекать как фокусник вытаскивает платок из уха.

На дороге мы топчемся. Зоркий Люшин глаз выхватывает все 25 видов растений на мм^2. Я беспомощно шмыгаю носом, затягивая капюшон куртки. Ботанический пыл меня не трогает, зато меня охватывает физиологический холод, и мне становится плевать на все растения в целом и на каждое в отдельности. Вообще, по правде говоря, квадратная девочка из меня халтурная: я бы не смогла все время поддерживать форму, не срезая углы, где попало, и не додумывая за заповедник, где он хочет чем порасти, а где нет.

Я завистливо поглядываю на всех остальных, не порабощенных ручкой и бланком и вольных распоряжаться своими замерзшими руками по своему разумению. Правую ручку я прячу в карман. Но вскоре, дабы соблюдать равноправие и равнолевие, я перекладываю бланк в правую руку, а левую на время опускаю в чуть более теплое пространство кармана.

Идя по лесу, постепенно начинаешь оттаивать. Благодаришь Бога за то, что создал твои мышцы не со 100% КПД. Интерес и восприимчивость к растениям возрастает в той же мере, в которой убывает холод.

Борясь с зевотой, я вспоминаю, что, засыпая, я успела подумать только одну последнюю мысль. Эта мысль заключалась в том, что нет ничего приятнее, чем засыпать после долгого дня. Эта мысль как будто бы уже включала в себя всю сладость засыпания и само засыпание и потому обречена была быть единственной.

Дойдя до болота, я не без легкого удовольствия отметила свое перемещение в квадратной иерархии. Новобранцы теперь были нижним звеном Полининого уважения, и я, не особенно заботясь об этом, ощупывала свое новое положение. Егоры попеременно писали в одной тетради, то вверх ногами, то в обратном порядке, как будто тетрадки распределялись по именам. Другие ощупывали пюрешку на соленость. Ульяна ощупывала плавунцов на живучесть. Чумичка обнаружила, что забыла посуду, как всегда лучезарно улыбаясь и широко раскрыв свои окаймленные темными ресницами глаза.

- Петрович, заварка! – потребовала Полина, на что Петрович абсолютно невозмутимо ответил: «Нет, спасибо» (ему послышалось, что предлагают добавку). Последовала пауза. Наконец, все засмеялись, сначала робко, потом совсем, и чай, предварительно заправленный черной смородиной и зверобоем, все-таки был заварен.

Квадрат был сухой: никто нигде ни разу даже не подумал раскатать болотники, и очень черничный. И немного клюквенный.

Мы вышли на дорогу. Я поспешила посмотреть на время, было 17:02. Уже две минуты, как должен был начаться концерт. Я ускорила шаг, задела какой-то мусор ногой и огляделась. Слева была неприглядная дверь в полутемноте помещения. «Оно» – подумала я. Внутри у самого входа стоял весь татуированный брюнет в темных джинсах свободного кроя и майке, свисавшей с него так, что ее вырез доходил ему до середины живота. Он окинул меня недоверчивым взглядом.

– Записана?
– Да.
– Ну?
- Антуанетта Леки, – сообразила я.
Брюнет достал из широких карманов джинс черный кожаный блокнот и небрежно пролистал его.
– Ага. Есть такая.

Он бесцеремонно взял мою руку и каким-то фломастером что-то начеркал на тыльной стороне ладони.

В этот момент мой ботинок зацепился за веточку, я споткнулась и не успела разглядеть брюнета получше. Выровнявшись по курсу, то есть, по дороге, я вернулась в клуб. Пройдя в небольшой зал, то ли затуманенный, то ли задымленный, я заметила барную стойку в дальнем правом углу сбоку от сцены. Барменом оказался тощий парень, крашеный в блонд, улыбавшийся криво. Направляясь к нему, я удивлялась, почему все до сих пор не началось, и думала скорее даже не что взять, а что спросить у этого тощего хипстера. На сцену вынесли еще один микрофон, где-то сзади что-то разбили, и послышался смех.

Так я и не поняла, что спросить, потому что мы подходили к дороге, и тут по ней пронесся УАЗик дяди Вити, которому Полина тут же закричала. Так что мне стало уже не до параллельной жизни, и я решила даже и не узнавать, что это был за концерт, и что я пила в этом баре. Вместо того я съела половинку оставшейся половинки оставшейся конфеты и со всеми устремилась к спасительно застрявшему перед поваленным деревом УАЗику.

Идти просто так скучно. Приходится постоянно думать что-то. Но из такого думанья ничего дельного и вразумительного обычно не выходит: все время перескакиваешь с одной ветви мыслей на другую, и потом нельзя вспомнить, о чем думал минуту назад. И лишь какой-то отзвук или запах мыслей остается в голове, из которого я пытаюсь выделить свою мысль. Но иногда мне удается полностью и с головой уйти в свою голову, переключая ноги на автопилот. Тогда пусть хоть дюжина маленьких сморщенных водяных пройдет у меня под ногами, и один, самый маленький, подмигнет мне своим желтоватым глазом, – я этого не замечу, и он обидится и побежит на журавлиную станцию, чтобы улететь с пятичасовым журавлем.

Мне снова пришла на ум эта песенка, вдруг всплывшая из самых далеких глубин памяти – слой где-то десятилетней давности, с Селигера, которая мне уже вспомнилась после огромной бобровой плотины:
Бобровую хатку найдем,
Зайчонка пугливого встретим мы,
Когда мы все вместе пойдем
На озеро трясское вечером.
В мою память она впечаталась спетая таким совсем детским чьим-то голоском, собственно как на какой-то старинной записи, оставшейся на мамином красном раскладывающимся Сони Эриксоне.

Разлив, образованный этой плотиной, выглядел совсем как озеро, блестя ребристой чернотой воды, и только зеленые кочки-островки посреди воды выдавали в нем приток, из-за которых вся эта картина напоминала мне кадр из мультика Миядзаки.

Ковалев невозмутимо пилил поваленную сосну бензопилой, пока мы, обтекая УАЗик со всех сторон, скапливались перед ним.

Мы все втиснулись неизвестно как в малопросторную кабину: я – на коленках, Люша – стоя, согнувшись у окошка – как раз так, чтобы высматривать растения около дороги. Один Петрович, кажется, занял почетное переднее сиденье.

Ковалев упрекнул Полину в том, что мы как кролики развелись и рассеялись уже по всему заповеднику, так что за нами и не уследишь, заметив, что его это угнетает. Потом он ненавязчиво, но настойчиво повторил содержание оставленной записки, призывавшей поикать там какие-то виды осок, найденные какой-то глубокоуважаемой старушкой, которая вообще-то арахнолог. Люша учтиво отметила, что мол, если бы мы знали, что это за осоки, нам было бы проще искать. – Да, она, может уже и забыла, самое, что их нашла, самое, – усмехнулся дядя Витя. Мы тоже усмехнулись. Вы когда-нибудь видели, чтобы кролики смеялись?

Благодаря упавшей сосне мы вернулись домой в шесть.

Долгожданный ужин подкрался незаметно. Я немного удивилась, узнав, что гречку можно сварить таким нехитрым образом, как просто залить кипятком! Или даже холодной водой. Чумичка и Люша обсуждали тонкие различия мягкой и готовой гречки.

С полумраком все переползли на диван. Люша устроилась с Ульяниной электронкой, собравшись читать вслух. Петрович живописно сидел за столом у окна, устремив, как мне показалось, задумчиво-экзистенциальный взгляд куда-то в сторону печки.

Мне вдруг захотелось зарисовать весь этот уют и спокойствие расслабленных тел, но скетчбук я оставила в Гумбарицах, так что оставался лишь блокнот, благо, неразлинованный, но и пенал с карандашами остался там, да и рисовать у всех на виду к чему-то обязывает.

Егор Шпала что-то звонко выяснял у Шепеля, и я подумала, что его голос слишком громкий для комнаты и слегка не вмещается в нее. У Люши наоборот был мягкий и аккуратный голос, и читала она выразительно и так по-люшински очаровательно, как будто уже знала, что случится в следующей строке. Но и прекрасное чтение не смогло удержать меня надолго внизу, книжка мне не понравилась. То ли после Гроссмана она показалась мне слишком прямой и плоской, то ли слишком нелепой, то ли в ней была та грубость обыденной жизни, вкрапление которой в литературу я не переношу. Ну я еще понимаю, что Маяковскому и Довлатову это можно простить, но уж какому-то новоявленному шведскому писателю – ну уж нет. И вообще Уве и его жена совершенно не подходили друг другу, и это ужасно меня злило своей неправдоподобностью. Да и я немного боялась, что книжка собьет меня с моего стиля, ведь всегда, когда долго читаешь что-то, потом тем же языком и думаешь. Сидя на скрипучей кровати, я слышала оглушительный хохот снизу и среди него звонкий заливистый смех Чумички. И мне было почти неинтересно, что это за момент. Без своей книжки мне было неуютно. В телефоне мне первым делом вылезла французская книжка «Trois jours et une vie», кусок которой был одним из заданий на регионе по французскому. Книжка раскрылась на этом куске, где разразилась ужасная гроза, и Антуан не мог дойти до конца дома, ветер дребезжал окнами и так далее и тому подобное. Под раскаты французского грома я и заснула.

Нас решили не будить. Видимо, подумали, что мы, как Уве, всю жизнь будем просыпаться ровно без пятнадцати шесть без будильника. Без пятнадцати шесть мы, может, и просыпаемся, но только подъем в восемь, а до этого времени можно еще десять раз заснуть, проснуться и снова заснуть. Сквозь сон я услышала голос Егора, кричавшего Шепелю что-то вроде: «Вставай, пойдем». Я обиделась сквозь сон, сочтя подлым разбудить Шепеля и забыть про нас. Я полезла за временем, время полезло мне в голову с маленькой часовой отверткой, запускающей программу «Пробуждение», 8:04. Резкая перемена за окном смахнула с меня сон: там, где вчера томительно застыли волны Иван-чая, сейчас разливалось неожиданно яркое солнце. Снизу донесся голос Петровича: «А там все проснулись?» Ответа, кажется, не последовало, и Петрович ответил сам: «Хорошо». «Хм» – подумала я.

Солнце сочилось из всех кустов, и Лахта стала приветливо-дачной. Петрович, Чумичка и Ульяна отделились от нас и весело ушли в болотные дали. Я сменила свою вечную горную шапку на синюю панамку, которая в сочетании с полосатой кофтой создавала мне некий моряцкий образ, вполне подходивший расцветшему от влаги и солнца сосновому лесу. Он тут же запах по-новому, то есть, по-сосновому и тепло. Этот запах снова напомнил мне Селигер, где жарили лисички с картошкой, посылали письма через почтовый ящик в лесу и сбегали вниз по крутой тропинке на завтрак, о котором возвещал большой колокол.

«А потому не спрашивай, по ком звонит колокол, – он звонит по тебе». Ассоциации с Хемингуэуем снова приводят меня к морю, которое я уже снова чувствую, и белый песок под ногами будто снова уверяет меня: «Ты не ошибаешься, смелее, ты разве не чувствуешь: оно здесь». И вот я уже

скидываю сандалии и бегу по белому песку такими же белыми пятками, и – плюх – море жует и глотает меня, бормоча: «Глупенькая, как ты могла мне не верить, не чувствовать, а я ждало».

Утренний лес обманчив. Тонкие тени чертят на земле неверные карты. Сочетания зеленого мха и серовато-беловатых лишайников напоминает мне сыр на пицце «четыре сыра». И вдруг лето глухим эхом ударяет в голову, и чуть не сбивает с ног своей явностью и вездесущестью. Бланк я покорно передаю Егору Ильиных, и тут же чувствую свою ненужность. Но, вспомнив про канчик в рюкзаке, снова обретаю вес и уверенность.

Люша утверждает, что в панамке я еще больше похожа на иностранную туристку. Полина соглашается. Мне остается только безуспешно ловить панамкой золотую, как рис, стрекозу с почти невидимыми крыльями-отблесками и смотреть в небо, небрежно прикрывшееся раскиданными по себе облаками и так и зовущее окунуть в него нагретую макушку. Диктуя по буквам, я думаю, что уже даже до некоторой степени достигла соотношения звучания и написания латинских названий и еще неуверенно, но могу догадываться о времени и сторонах света по положению солнца.

Егор Ильиных с криком гонится за Шепелем, неплотно закрывшим бутылку, так что рюкзак стал мокрым, а с ним и многое другое. Я снова думаю, что голос Егора не вмещается даже в пространство болота, потому что зарождается у него где-то в пятках и, проходя по телу, чтобы выйти наружу, все набирает силу.

У Свири неприятно пахнет рыбой и чем-то еще. Шепель резво шлепает по зарослям тростника, возникая то там, то тут. Арина, как всегда, сдержана. Егор, прислонившись с бланком к сосне, жалуется на комаров.

Обеденное место Полина выбирает нам рядом с большой елкой. Я убегаю с канчиком к Свири, к которой почти невозможно подобраться из-за крутого берега и колючей проволоки у самой воды.

Выясняется, что Люша забыла банку рыбы, а Егор – сухари. Зато конфеты – не просто, а «Привереда». В чай идут мята и черная смородина, но букет получается не очень. Начинается дождь, точь-в-точь когда закипает канчик, и кончается точь-в-точь, когда последний человек допивает чай. Люша вылезает из импровизированного домика из химзы, мы раскатываем болотники и идем.

Новый квадратик – теплый морской курорт: страусниковые пальмы, журчание воды, приторно-сладкий запах Stachys`a на пальцах. Я нахожу цветущую недотрогу. Часть ее цветка напоминает маленький колпак. А нет! Не колпак, а желтый рожок. Рожок квадратикового изобилия. Забываю его в траве, после этого начинается черничный сосняк. Мы останавливаемся на черничную пятиминутку. Губы синеют, пальцы становятся фиолетовыми. «Мы ели чернику до посинения». Шепель с почерневшими губами становится абсолютно похож на мертвеца из фильмов ужасов. Фиолетовыми пальцами Полина показывает на карте наш сегодняшний маршрут.

Солнце клонилось к западу, – написал бы О`Генри. Мы шли через поля беотреона с ринхоспоровым подлеском. Брусника на солнце серебрилась листьями-каплями. Я думала, что хорошо бы уметь отключать свое внимание от растений, когда оно ненужно, чтобы не отвлекаться и не напрягаться, а воспринимать хвощ исключительно как предмет расковыривания. Хотя кому я вру, я и на описании воспринимаю хвощ только так. Мне вообще все время, пока я иду, нужно что-нибудь расковыривать, будь то хвощ, или веточки, которые можно ломать пальцами, или тростник, или стебель пушицы, от которого можно откусывать кусочки и выплевывать. Я иду, а в руках у меня скапливается куча веточек, хвощей и стеблей про запас на расковыривание, и я похожа на заядлого курильщика, который бросил и теперь постоянно грызет чипсы, чтобы занять руки.

Мы, наконец, вышли на дорогу к лишайникам-сырам и пустились домой.

– Ну, школьники, – сказала Полина, – какой вы хотите сервис?
Мне понравилось слово «сервис» в данном контексте.
– Организовать купание или баню?
Мы молчали, не ожидав столь многообещающих возможностей.
– Баню, – предложил Шепель, и мы поспешили с ним согласиться.

В ботинках ноги показались неправдоподобно легкими, всплывающими в воздух, как будто они вдруг лишились балласта в виде своего куска. Назначенная топительницей бани, я предпочитала бегать туда и обратно, обретая снова вольность и самостоятельность ног.

Над Лахтой по-домашнему запахло дымом. Сосны на другом берегу стали совсем оранжевыми, явно пытаясь яркостью перещеголять все еще доминирующий Иван-чай. Должна быть такая сладость – сосны в закате. Продавалась бы в банках, и каждую сосенку следовало бы доставать пальцами, слегка отряхивать о края банки от излишков заката и запихивать в рот, облизывая, смакуя разными частями языка нежно-розовый привкус, примешавшийся к древесной чернике. Эх, я бы лопала банками. А можно же и в чай макать, а?

На столе стоял черный бумажный пакет с надписью Incanto Italy. В нем совершенно неуместно содержались сухари. Удивительно. Как могло прийти в голову положить сухари в такой элегантный пакет. И сухари сами, правда, были черными и изящной формы, длинными брусочками, как в модных кафе в аэропорту. Эти сухари в пакете были чуть ли не единственным пробившимся отголоском городской цивилизации за нашим ужином.

Запоздалые герои, для которых мы запасли печенья, пришли и напали на макароны с тушенкой. Жирной росянки у Калача они так и не нашли: то ли ее смыло, то ли засыпало песком – нету.

В бане мы смыли с себя остатки солнца. Небо последовало нашему примеру. Чистота уже перестала мне казаться редкой роскошью, и все же внеплановая баня бывает редко.

Люша снова читала «Вторую жизнь Уве», а я снова не слушала. Кровать проскрипела мне: «Спокойной ночи», и мне снился человек, покупавший красные перцы, в кузове машины которого я ехала в Санкт-Петербург, и борщ.

***

На следующий день мы снова разделились. На этот раз Полина отпустила меня с Петровичем и Чумичкой. Я оставляю канчик, но снова беру в руки бланк – равновесие, баланс. Петрович сказал мне: "Ты будешь нашей ботанизиркой" (у меня в рюкзаке был карман, который можно открывать, не снимая рюкзак). "Wanna be your botanizirka" – тут же пропел в моей голове томный голос Алекса Тернера.

На дороге валялся осколок зеркала. Наверное, выпал из растопленного солнцем сердца пробегавшего Кая.

Петрович забыл химзу. Идёт и думает, придётся ли ему пожалеть об этом или нет. Не успевает узнать этого, потому что натыкается на рдест и решается собраться его в колхицин. Петрович быстро разделывается и с инструкцией к колхицину, и с рдестом.

Пока мы идём, я мысленно вспоминаю голоса знакомых людей. Некоторые возникают сразу, одной фразой, а некоторые долго вытекают из памяти, всё равно оставляя сомнения в их подлинности.

Обедаем мы где-то посреди болота. Я съедаю два ролтона с рыбой и сухарями. Гусиные лапки отправляются в рот, вишнёвая мармеладка – в надёжное место, в карман. Хотя и не такое надёжное, как хотелось бы. Небольшой несерьёзный дождь всё-таки настигает нас, но Петрович не думает страдать, ему хорошо.

Я иду по болоту, прямо у меня под боком на кочке злобно шипит на меня гадюка. Ой! Страшно... Такая маленькая и такая злая. Теперь, останавливаясь, чтобы наклониться к чернике, я замираю и думаю: "Если меня сейчас укусит гадюка, то кто меня будет реанимировать??!..." Тоскливо смотрю на удаляющихся Петровича и Чумичку, укоризненно смотрю на чернику. Черника прячет глаза. Я спешу за Петровичем и Чумичкой.

В рукописном бланке сложнее отмечать растения: там другое расположение букв по листам. Мы долго с Чумичкой вчера вычерчивали его и переписывали, потому что бланки закончились (из-за того что мы разделились, и их нужно было в два раза больше).

Крохотный дождь всё же нас застал, и Петровичу пришлось слегка помокнуть. Это ничуть не снизило его ходибельности, так что съесть два ролтона в обед было очень кстати.

После нескольких попыток нам всё уже удалось найти тот мост, который оказался плотиной, где мы с Люшей в прошлый раз нашли акацию и черноплодку. Пройдя там с Чумичкой, мы думали примерно так: ага, вот Люша стояла здесь и что-то сказала, а потом подошла сюда и тут что-то нашла. Что это было?". Или: "Так, мы шли вот тут и где-то тут нашли аронию, а, вот она".

Набив полный канчик и карман моего рюкзака, всякими ивами и Calamagrostis'ами, которые были фашистскими и не поддавались определению, мы отправились домой. Петрович заявил: "Всё, Чумичка, перерабатывать вредно" и "если мы сейчас не пойдём в лагерь, то вечером нам будет плохо". Я так и не смогла понять, что же скрывается за этим загадочным "плохо", но предпочла поверить Петровичу. Впрочем, фашистские ивы попали к Люше. От одной Чумичка отломила веточку и дала мне, а я взяла её в рот, и у неё оказался привкус лепестков шиповника, так что я продолжила её жевать. А потом мне понадобилась сказать что-то, и ива выпала, точь-в-точь как в басне.

Я вспомнила про конфету, тёплый вишнёвый вкус осел на языке, фантик предательски шуршал. Нас было всего трое, и тишина была слишком иссякающе пуста, чтобы скрыть шуршание. Чумичка оборачивается. "Раскрыли" – думаю я. Виновато улыбаюсь, Чумичка смеётся, объясняет Петровичу: "Запасики!" Мы поднимаем тему конфет, я поясняю, какую часть конфет в какой точке маршрута съесть. Да, серьёзный подход. Петрович нас покидает, спускаясь к Лахте, нырять за полушником и кубышкой.

В стационаре вода в кастрюле только начинает думать, кипеть ей или нет. Мой голодный вид её не устрашает. В одной из кастрюль плавают лисички. К ним присоединяется рис и, как ни странно, борщ из пакетика. Вода становится такой, как будто в ней гепард только что растерзал антилопу. В итоге рис победил всех, и блюдо превратилось в розовую липкую кашу, называющуюся борщом и обладавшую большинством заявленных качеств.

Ульяна, Шепель и Полина вернулись с романтической прогулки на Карасёво, секунда в секунду тогда, когда обещали вернуться (по Чумичкиным часам; по Петровическим они опоздали на десять секунд). Как говорится, perfect timing.

В свете потрескивающего камина Люша садится читать книжку, а отправляюсь наверх, в спальник, снова до ночи питать бумагу строчками, в которых запрятался крошечный макет заповедника со всеми ручьями, лугами и болотами, где все растения на своих местах. Последнее болото заканчивается, за ним начинается не менее затягивающий сон.

***

Битва под Сярьбой

Погода меняется стремительно. На этот раз утро встречает нас противным моросящим дождём. Закутавшись в самую мягкую на свете кофту, я поглощаю овсянку и чай со сгущёнкой. Думаю, что когда приеду в Москву, то каждый день буду съедать... нет, не по пять пачек конфет, как собирался Егор Ильиных, а всего лишь тарелку овсянки со сгущенкой на завтрак. С детства мои отношения с овсянкой сложились плохо и я, отдавая дань привередливости, год от года лишала себя тарелки каши утром, ограничиваясь яичницей и прочей незначительной пищей. Теперь я надеялась восполнить этот многолетний недостаток утреннего питания.

Идти в плаще становилась жарко. Я скидывала капюшон и закатывала рукава, пока руки достаточно не намокали.

Петрович полуобернулся: "Муся, ты ведь клала бланк в свой рюкзачок?" Я клала. Мигом отголоском мыслей я переделываю стишок для запоминания ударений:
Клала торты, бланки, шарфы,
Кралась затемно домой. А потом к аэропорту
Прибыла, слилась с толпой.
Он отложился у меня прочно с далёкого пятого класса не без помощи Марии Михайловны.

Волосы намокают. "Дождь будет идти весь день" – думаю я. "Печаль будет длиться вечно" – отвечает мне кто-то в моей голове. На этом моменте Тамар должна была бы запеть песню "Starry, starry night", предварительно объявив, что она про Ван Гога. Дождь и правда шёл весь день. Я бережно прятала бланк под плащ, доставая его в самых крайних случаях. В обычных же случаях я скручивалась под плащом и шестой фалангой девятого пальца правой руки вырисовывала галочку карандашом. Одни галочки выходили похожими на Кассиопею, другие – на масонский циркуль и на угольник, третьи выходили за границу ячейки или просто не выходили. Края у листков замусолились и их почти невозможно было разлепить. Растения на R, S, T и V вообще были проклятыми, потому что находились на самой труднодоступной странице – третьей. Вообще, если бы я придумала устойчивое выражение, то что-нибудь "с третьей страницы" означало бы "очень не к месту".

Ветка сняла с меня капюшон, карандаш упал в грязь, под очки залетел комар. Отвратительно.

Путь к обеденному озеру с одной стороны зарос полем хвоща, с другой были непроходимые канавы, через которые Петрович меня и повёл. Балансируя на кочке, как девочка на шаре, я тянусь к одному-единственному роскошно цветущему лютику.

Чумичка с Ульяной, сливаясь с болотом в химзе, ставят ловушке на сайре: кошачий корм закончился. В отличие от дождя. Я сушу плащ у костра, становится даже тепло. Единственная конфета отправляется в карман. Чумичка с мокрыми волосами, смявшимися рукавами зелёной футболки и диковатым взглядом, похожа на Индиану Джонс, видимо, из фильма "Расхитители болот". Плащ моментально промокает снова, но моим рукам хорошо. Правой я сквозь плащ прижимаю бланк к груди с видом человека, пытающегося пальцами остановить кровь, хлещущую из раны под сердцем. Но, конечно, раненый солдат хочет перед смертью в последний раз поесть черники, поэтому левая рука тянется к ближайшему кустику, и ослабевающие пальцы запихивают пару черничин в рот. Но раненый солдат, конечно, никогда не забывает о своём долге даже перед лицом смерти, а потому из залитого кровью нагрудного кармашка он достаёт пачку писем, вкладывает туда сорванный тайник сердечный и, захлёбываясь кровью, протягивает своим товарищам: "Прошу... Отдайте... Полине Андреевне Волковой... Здесь... Новые... Осоки... Для Нижне-....." Поникшую голову героически павшего солдата венчают изъеденные оленьи рога. На остывающих губах еще видны следы черники. Товарищи выражают неподдельную скорбь по собрату. И вдруг замечают еще одного солдата, отчаянно плывущего под свистом пуль к берегу озера посреди болота. В одной руке он что-то сжимает, пытаясь перекричать артиллерийские залпы. Наконец, они разбирают: «Кол-хи-цин! Приготовьте… кол-хи-цин» – кричит плывущий. Подбегающие на помощь только и успевают подхватить рдест из выставленной руки солдата, как его тело обмякает и уходит под сплавину. Болотное озеро окрашивается в цвет заката. К берегу подбегает девочка в оранжевой косынке и с канчиком. Зачерпывает воду и ухмыляется: «Сегодня мы едим борщ…».

В поле зрения резко появляется дорога. Такая же неожиданная, каким показалось бы солнце после этого дождя. Мы бродим по обочине туда-сюда и подъедаем землянику, которую дождь – надеемся мы – вымыл. До Ковкениц еще четыре километра. Оттуда нас должна забрать Катя, возвращаясь из продрейса. Дождь усиливается. Мы весело шлепаем, Петрович запевает: «По дороге летним днем…» Ну, мокренькая кисонька, это, ясно, Ульяна. А вот кто ослик, кто суслик, а кто паукан – это еще непонятно. Возле нас останавливается серебристая машина в тон с дождем. В ней сидят Питер и Катя. Петрович решает пожертвовать в машину меня и Ульяну. Мы с Ульяной немного помялись перед тем, как сесть в салон, потом еще раз помялись, уже садясь в него. К счастью, то, что было в машине, благоразумно решило не мяться. Чуть позже мы вместе с продуктами перебираемся в УАЗик. Чумичка и Петрович, довольные и мокрые, приносят неопределенный букет. Мы закидываемся аскорбинками, чуя расслабленность дома. Питер, перебирая листки со стихами, напоминает мне про вечер поэзии. Невзирая на лужи и ямы, я облокачиваюсь на окошко и сплю.

Вечер выплывает из дыма, приобретая очертания людей, сидящих перед камином и читающих стихи. Я вдруг замечаю, как Надя похожа на Сергея Менделевича, и это сходство кажется мне необъяснимым. Она читает Мандельштама, и голос ее печально и глухо расплывается в лаборатории. Катя с Сашей сиротливо стоят в дверях, недовольные дымом в комнатах и тоже невероятно похожие, с одинаково живыми выразительными карими глазами. Петр Николаевич, стоя, энергично декламирует какие-то стихи на английском, и, извиняясь, забывает перейти на русский. Он напоминает мне профессора Хиггинса из «My fair lady». Я внимательно слушаю, перебирая пальцами мягкие волны Лениных волос.

Сумрачная Гумбарка так спокойна, как любовники в «Пьесе с двумя паузами для сакс-баритона». Боже мой, Боже мой, Боже мой…

Проплывают облака, проплывают облака и гаснут…

***

Под утро я чувствую сквозь сон запах нагретой травы. Открываю глаза. Из-под тента пробивается свет, слишком тусклый для солнечного, впрочем. Снова засыпаю.

Прожевав бутерброд и вытряхнув из болотников вчерашнюю труху, мы вновь уходим, топча миллионы жучков и обходя лужи, по знакомой дороге. Чумичка с Петровичем обсуждают отцов, да и детей тоже и все, что попало, а я просто слушаю.

В квадратике мы воссоединяемся с группой Люши и встаем посреди склона Пельчужни, чтобы сфотографироваться всей квадра-тусовкой. Люша заботливо чистит объектив специальной щеточкой. Перед ее профессионализмом я снимаю панаму.

Школьники остаются описывать квадратик, а мы идем дальше, к тропе страданий Саши и Маруси, как выразился Петрович. Сегодня нам предстоит экзамен: вторым мы будем описывать тот же квадратик, что и Люша и Ко. Нужно будет глядеть в оба.

С болота облака видны лучше всего. Показывая на небо, Чумичка замечает, что они как будто нарисованные. И, правда, пышные, аккуратные, совсем как у Миядзаки. Я очень люблю облака в его мультиках, потому что она всегда очень разные и настоящие. Наверное, он и сам очень любит облака. И особенно хорошо видно, где дождь. Видно, куда он идет и где заканчивается. Петрович ведет нас прямо к нему, в самую тьму дождя. Мы его догоняем и просим плащения. Когда через некоторое время я все-таки надеваю капюшон, за шиворот мне выливается несколько холодящих струек. Вот глупость. Где-то на сухих островках сосен зреет морошка. Мы идем недолго, наверное, часа полтора, как вдруг – я не верю своим глазам – перед взглядом возникает серебристая гладь. Приглядываюсь: не мерещится ли, но нет, это Сегежское – наконец осознаю я. Петрович останавливается: время обеда. Оказывается, мы шли часа четыре, а вовсе не два, как мне показалось.

Сметая паутину между соснами, я пытаюсь подобрать слова, описавшие бы вкус зрелой морошки: булка с творогом? Ряженка? Предпочитаю хрустеть незрелой. Петрович уходит купаться. Свинцово-темные полосы и сахарно-белые пятна плещутся в спокойствии озера, размываемые параллельными чертами шевелящейся воды.

Мы уходим в простор болота. Я смотрю на Чумичку и Петровича а импровизированную подзорную трубу из хвоща. Они мирно поглощают морошку и ничего не подозревают. Первый квадратик оказывается невероятно болотно-жалким. Мы добредаем до крошечного островка леса и , уткнувшись взглядом вниз, выискиваем следы пребывания растений, подобно сыщику, который

пытается найти улики на месте преступления. Улики флористического богатства. Но это был слишком опытный преступник, и не оставил даже золотого колоска.

Я сосредоточенно считаю галочки в бланке, напоминая того звездочета из Маленького принца. Только если он уходил в одну крайность числового ряда, то мы уходили в другую. И уходили дальше. Каждый вид – праздник. Ну что, дотянем до пятидесяти?

Но дотянули мы только до высящихся темных холмов морошки. Петрович и Чумичка накинулись на нее, и я не сдержалась: «Кажется, мы не вернемся до ужина»!
– Кажется, мы не вернемся, – поправила Чумичка.
– Кажется, нам придется идти самим, – добавила я, внося немного оптимизма.
– Кажется, тебе придется идти одной, – снова поправила меня Чумичка, запихивая очередную толстую ягоду в рот.
Петрович, кажется, был немного задет, но так или иначе, чуть только мы вошли в перелесок, он поскакал среди кустов черники со скоростью гепарда, так что нам только и оставалось, что вприпрыжку поспевать за ним.

На смену болотам пришли тростниковые леса все в пеннице.
– Тростник и пена от пенницы – это набор для бритья, – заметил Петрович.

Выбравшись из пенящихся зарослей, мы дошли до квадратика. Петрович достал бутылку с холодным чаем, Чумичка спросила меня: «Хочешь сухарей?», явно кося под Королеву из «Алисы в Зазеркалье» (Alice thought it would be not civil to say “No”, though it wasn’t at all what she wanted). Я согласилась с Алисой, Чумичка достала сухари, пока я пила чай, и, набрав полные горсти, мы продолжили путь уже в несколько раз медленнее, видимо, чтобы пройти дальше, ведь в Зазеркалье скорость есть время, деленное на расстояние.

Петрович с очень важным видом объявил, что этот квадратик уже до нас был описан фашистами, и что нам предстоит описать его тоже. Затем он подробно расписал и показал на карте план наших перемещений. С чувством особой ответственности мы медленно брели по болоту, пытаясь представить все возможно растущие в нем виды и найти их. Петрович изобрел систему оценивания нашего экзамена: число всех видов, найденных нами, делится на число видов, найденных Люшей и Ко, и умножается на 100. Таким образом, мы получаем баллы. Выше 75 – зачет.

Мы вышли к Топору. Резко потемнело и стало свежо. Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Чтобы тогда разглядеть растения на дороге, нужно было бы кошачье зрение. Но Ульяны с нами не было. Хлынул дождь. Во тьме мы пробирались по лесу, и я подумала, что не хотела бы оказаться на месте школьников, уютно пристроившихся в лаборатории перед бинокуляром. Оказаться таким ничтожным перед дождем было невероятно приятно.

Около Пельчужни мы в мокроте отыскивали растения. Доставать бланк мне не хотелось, и мы просто брали их с собой, чтобы не забыть. Потом, правда, все равно записали, перед тем, как идти домой. До ужина оставался час. Мы поспешили домой. На полпути, осознав конец дождя, мы расплащались с плащами. Я насвистывала Эдит Пиаф, а потом и спела ее для заинтересовавшейся Чумички.
Вот кусочек их с Петровичем диалога:
Ч: – (про часы) Ну я не знаю, насколько они водостойкие, но вроде ходят.
П: – Примерно то же можно сказать и про школьников.

К ужину мы опаздываем на две минуты. Как раз к раздаче салата. Весело улыбаясь, рассказываем про свои злоключения и морошку.

После ужина я залетаю в «изолятор» узнать, как мы сдали экзамен. Оказывается – отлично, больше девяноста баллов. Я радуюсь и отправляюсь снова есть хлеб, запивая его сладким чаем.

***

Ночью разразилась гроза. Я проснулась, и мне показалось, что все небо обрушилось разом на нашу и без того синюю палатку, удивляясь, как это еще тяжелые капли не достали до моего лица. Посреди ливня в палатке было сухо и уютно.

Настал день отвала – последний день. На лицах были предвкушение и суетливость. Но сначала школьники выступали с докладами. Я, наконец, смогла рассмотреть всех восьмиклашек. Обнаружилось, что у одной из Насть, той, что дружит с Аней Фадеевой, очень острая улыбка, и стоит она всегда в позе нарисованного персонажа из какого-нибудь мультика или игры. А у самой Ани Фадеевой в глазах смесь луны со льдом, а в целом она похожа на собаку, точнее на лабрадора или кого-то похожего. Юля Веригина демонстрировала лесенку с ячейками для палетки точь-в-точь, как стюардесса показывает, как надевать кислородные маски и надувать жилет. Егор, занимавшийся росянками, с совершенно непроницаемым видом показывал крохотную этикетку величиной с два ногтя на мизинце. Ridiculous. Но всех, конечно, затмили брови Арины Кульпиной; даже круглые очки Насти Киселевой, в которых ее глаза казались огромными, не могли отвлечь от них внимания.

Перед докладами, после докладов до обеда и после обеда мы с Чумичкой набивали бланки. Это оказалось невероятно утомительным, приходилось по пятьдесят раз дописывать новые виды в наш список, да и вообще смотрение на нолики утомляет. «Два нуля, единица, два нуля. Четыре единицы, ноль. Четыре ноля, единица. Единица, ноль, единица, ноль, единица». И так далее, пока наконец, кипа бланков не заканчивается. Я выбегаю из изолятора с криком: «Добби свободен!», не веря своему счастью.

После четырех часов в воздухе концентрируется атмосфера активной деятельности. Создается впечатление, как будто большой механизм вдруг собирается из мелких частей. И каждая деталь встает на свое место, и громадная машина постепенно начинает крутиться, работать, набирать обороты, а кто-нибудь поминутно бегает, где-то подправляет рычажки, смазывает шестеренки, уточняет установки. И так из хаоса повседневности вырастает вдруг что-то большое и особенное – готовность уезжать. Тихий солнечный день как будто и не подозревает о всем многообразии действий, уместившихся в нем.

Петрович набрал себе команду кулинаров и готовит пельмени, мы с Чумичкой, суетясь и слегка недоумевая, готовим бисквиты для торта Полине, изобретаем крем из сливочного масла, вареной сгущенки и лимонов и завершаем свои творения крупными мазками персиков и сушеной клюквой в жанре пуантилизма. Петрович (как он только все успевает?..) готовит «фруктовую горку» – торт, где перемешаны квадратики бисквита с кремом и разнообразными фруктами. Время от времени я бегаю к мосткам мыть кастрюльки от крема, не забывая сочетать мытье с их вылизыванием.

Довольные и набегавшиеся, все стекаются к главному месту действия на следующие час-два, к костру. На столе грозно высятся соки, квас, торты, салаты, зефир, фрукты и прочее, примерно как в столовой Хогвартса в Рождество, разве что без золотых кубков. Все это явно бросает вызов вместительности твоего желудка. После торжественного слова Сергея Менделевича, точнее, после двух слов, все разбредаются, находя себе блюдо по душе, тут же становясь поклонниками плова, какого-нибудь салата, торта или блинов. Взволнованно-радостные, Петрович с Чумичкой приносят наши торты. В один втыкают три и четыре свечи, задуваемые под всеобщий восторг.

Вдруг выясняется, что я дежурю. Я стараюсь оптимизировать количество занятой посуды по мере съедания находящейся там пищи и все что можно пытаюсь помыть.

Восьмиклассники с величайшим энтузиазмом презентуют свою самодельную настольную игру «Практика»: все слушают в восхищении, разглядывая нарисованные карточки: «риски» и «антириски», «уважухи» и «лошары». Карты придуманы и нарисованы здорово. На наших глазах проходит первая пробная игра в открытую. Нависнув в несколько слоев над столом, мы следим за ходом игры, не переставая восхищаться. Самые заинтересованные остаются перебирать всю колоду, рассматривая карты. Я раскладываю их на столе, чтобы получше увидеть.

На берегу Ладоги в большой яме полыхает костер. Егор Жирков удобно устраивается в ногах у Яна, у которого в этот момент самый добродушный и заботливый вид. Чумичка располагается на коленях у Полины. Широкие ряды сидящих у костра объединяет гитара, передаваемая удивительно быстро из одного конца в другой: от Надежды Сергеевны, которой подпевает Люша, Ульяна, Чумичка и Маруся, к Арине, поющей с Сашей Рыбаковым дуэтом, из которого выделяется ее чуть хрипловатый и джазовый голос. Саша врывается со своей гитарой внезапно, звучным аккордом, будто разрывающим тишину. Он играет, как всегда, Летова и БГ, а еще Мельницу и по моей просьбе «Проклятый старый дом». Уверенность, с которой он бьет по струнам, меня очаровывает. И хоть у него не такие тонкие пальцы, как у Шая, я все же завидую легкости, с которой он переставляет аккорды.

Возле нашего голубого дома порхают летучие мыши, исчезая, чуть только я поймаю их взглядом. Неизбежно светает, и все страннее становится смотреть на часы, поражаясь контрасту между временем и освещением. Когда уже, кажется, рассветать некуда, я ухожу в палатку, отряхиваюсь от света на улице и заползаю в спальник до утра.

***

Утро безжалостно сминается поспешными сборами. Мы с Петровичем, дежурившие на завтрак, бросаем всякие хозяйственные дела и уходим собираться. Нужно быстро разобрать палатку, но я, как всегда, копошусь. Нахожу контейнер и плотно набиваю его пловом, которому суждено будет составить мой обед. Люша забирает зефир и хлеб.

За нами приезжают в десять. Я не успеваю осознать конец своего пребывания тут, только молча ношу коробки, загружая ими буханку, а потом загружаю ее и собой. Мне почему-то не верится, что я могу не вернуться сюда, мне кажется, что болота теперь всегда узнают меня по звуку шагов, по чернично-синим губам и обгоревшей шее.

Колени у Лены мягкие и удобные. Вместе с валяющимися рюкзаками они создают самую благоприятную обстановку для сна. На середине пути я вдруг замечаю, что между задними дверями есть странная щель. Говорю Лене, Лена говорит Люше, Люша говорит водителю. Водитель выходит посмотреть и тут же заверяет:
– Да нет, они не открылись, так и должно быть, они там проволокой смотаны. Но вы скажите, если щель будет увеличиваться.
С таким напутствием мы продолжаем ехать. У Лахты УАЗик Ковалева впереди останавливается. Петрович выходит и забирает у Татьяны Ивановны осоки, про которые говорили. Мы засыпаем дальше.

В Ковкеницах, выбравшись из полусна и машины, мы (квадратчики), то есть Шепель, я и Люша вместе с ловцами жуков уходим по тропинке в лес. Нас ведет Анатолий Петрович, обещавший показать каштан. Каштан мы находим, и даже не один, а два. Люша решает описать этот квадратик с каштаном и склоном ручья, и мы застреваем там на час, попутно устраивая конкурс на лучшее корневище рогоза. Люша занята GPSом, поэтому мне надо смотреть внимательно.

В два часа у меня резко появляется чувство голода, видимо, – условный рефлекс на время обеда. Мы заканчиваем квадратик и устраиваемся под елочкой, чтобы перекусить импровизированным обедом, составленным из плова, бананов, зефира, хлеба, сухарей и двух бутылок чая.

На горизонте очень кстати весело появляются ловушечники во главе с Полиной, с которыми мы делим трапезу. Но ловушечники, ясное дело, очень занятые люди, поэтому они спешат идти дальше. Увлекшись пловом, Саша забывает сачок и потом возвращается за ним очень внезапно, напугав нас всех, все еще с ложкой в руках – как уходил.

Мы выходим в поселок, где царит атмосфера ленивой летней безмятежности. На лугу пасется корова, где-то что-то сверлят, по дороге бегает маленькая девочка в розовой футболке и смотрит на нас с любопытством. Я вдруг понимаю, что здесь у кого-то просто дача, и с бланком, в болотниках на обочине мне вдруг становится странно.

Мы с Шепелем идем по полю. Нарочно не поднимая ног, чтобы приятно ворошить траву таким не подходящим для нее сапогом. Идем и наслаждаемся мягким летним шуршанием, от которого мы уже настолько отвыкли. Сладкий запах таволги навевает дремоту. Ей, конечно, сильно помогает поздний отбой и отвал.

Я иду за Люшей и пытаюсь не заснуть. На берегу мы следим за проплывающими баржами, катящими на нас медленные волны. Солнце неутомимо светит, правда, кажется, все равно не добирается до серых-серых глаз Шепеля, из-за которых, как я, наконец, поняла, его взгляд всегда кажется задумчиво-печальным. Но оно достает до домишек на склоне и до маленьких лодочек рядом с ними, которые смотрятся так живописно, и мне снова кажется, что кадр откуда-то из Миядзаки.

По пути в визит-центр мы встречаем Ковалева. Он раздает всем нам, девятиклассникам, значки с надписью «Волонтер Нижне-Свирского заповедника». У входа груда рюкзаков перемешана с толпой школьников, коротающих время до автобуса, кто как может. Когда тот, наконец, приезжает, водитель отчаянно ругается, вопя, что он нам не грузовая машина и он нас всех высадит [censored] и поедет

один. Вспыльчивый водитель меня не трогает, и я, устроившись поудобнее между гитарой и Сашиным плечом, засыпаю снова.

Ключ от вокзального туалета, как и в прошлом году, нужно брать у дежурной. Памятник Ленину все так же ровно держит руку, а рядом с ним стоит рекламный щит, где крупными черными буквами написано: «Живой?»

Все равномерно распределяются по небольшому вокзалу. Кто-то играет на полу в «Эволюцию», кто-то спит, кто-то читает. Лена играет на укулеле. Люша с Петровичем устроили себе маленькую лабораторию и разбирают растения. Саша с Полиной приносят из Дикси ящик съестного: кисломолочка, печенье, хлеб, сыр, сладкое. Большим спросом пользуется колбаса и рахат-лукум. Саша с Полиной уходят в Дикси еще раз.

Время медленно движется, выражаясь в перемещении ключа от дежурной к кому-то из нас и обратно, в прыгучих ногах скучающей Жени, в заполненности мусорок и желудков. Я искренне не понимаю всех не находящих себе места от скуки людей. Мне нравится эта редкая возможность никуда не спешить, медленно смаковать время, переливая его из одного занятия в другое.

Темнеет. Проходя по первому этажу, я жадно вдыхаю свежий уличный воздух, застающий меня в переходе между двумя частями вокзала. Пахнет летом, какой-то давно забытой курортностью и вечером.

Отмыв от кефира кружки, мы идем на платформу. Только желтый глаз товарного поезда мигает мне на прощанье, и Чумичка в нежно-голубой футболке очаровательно смеется вместе с нами. Они все едут другим поездом, чуть позже нас.

Чересчур сосредоточенный проводник с неприятно небрежной интонацией бросает женщине, принимающей паспорта: «Кать, давай быстрее, потом все документы проверишь». Я втискиваюсь в узкий проход вагона, прячусь между кривыми очертаниями столика и полок, чтобы дать пройти другим. Суетливый шепот, поиск подушки, белизна простыней. Все стихает. И только закоулки лесной темноты проносятся за окном, такие же незнакомые, как все люди на дачах в Ковкеницах. Закоулки расползающегося лета.